

КТО-ТО
ДЫШИТ
В СТЕНЕ

ОЛЬГА ТИМОФЕЕВА

КТО-ТО
ДЫШИТ
В СТЕНЕ

ОЛЬГА ТИМОФЕЕВА

Ольга Тимофеева

Кто-то дышит в стене

«Автор»

2026

Тимофеева О.

Кто-то дышит в стене / О. Тимофеева — «Автор», 2026

На маленьком острове стоит старый дом, жители которого десятилетиями живут по странным правилам: раз в год они собираются подписать документ, без которого дом перестанет им принадлежать. В этот раз всё идёт не по плану. Шторм отрезает остров от материка, связь исчезает, а на лестнице случается несчастье. До помощи — долгие часы, и никто не уверен, что рядом не тот, кто в этом замешан. Пока страховой оценщик восстанавливает события той ночи, а старый смотритель прислушивается к странному звуку за стеной, становится ясно: случившееся — лишь вершина истории тридцатилетней давности. Запертая квартира и дом, будто хранящий собственную память, складываются в одну страшную правду. Но самое страшное — это звук. Однажды каждый в доме начинает слышать, как кто-то медленно дышит внутри стены. А стены старых домов редко ошибаются. Атмосферный детектив о тайнах прошлого и доме, который помнит больше своих жильцов.

© Тимофеева О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Кто-то дышит в стене	5
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвёртая	12
Глава пятая	14
Глава шестая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ольга Тимофеева

Кто-то дышит в стене

Кто-то дышит в стене

Ольга Тимофеева

Глава первая

Труба в подвале начинала гудеть за час до того, как ветер с моря становился заметен наверху. Прохор Ильич знал это звучание двадцать шесть лет, с того лета, когда взял на себя котельную и с тех пор ни разу не передавал её никому другому. Гул шёл низкий, почти под самым полом, будто дом прочищал горло перед тем, как заговорить.

Он поднялся из подвала в девять вечера, вытер руки о полотенце, которое держал возле щита, и постоял немного у лестницы, слушая, как этот гул поднимается через перекрытия и растворяется где-то на третьем этаже. Соль с моря уже подъела перила на площадке между вторым и третьим, металл шершавился под ладонью, и Прохор Ильич давно перестал замечать эту шершавость как что-то отдельное от себя.

В квартире номер шесть собирались жильцы. Раз в год, в последнюю пятницу перед началом осенних штормов, весь дом сходился в гостиную у Тумановых, чтобы подтвердить действие устава. Формальность, которую исполняли без особого интереса уже лет двадцать, с тех пор как последний раз кто-то всерьёз задумывался, что будет, если однажды подписей не хватит.

Нотариус приехал днём, на последнем пароме перед закрытием переправы. Звали его Виктор Сергеевич, человек лет пятидесяти с портфелем, который он держал так, словно внутри было что-то живое. Прохор Ильич проводил его до квартиры Тумановых сам, потому что лифт не работал третий день, и заметил, что нотариус останавливался на каждой площадке чуть дольше, чем требовалось для передышки. Разглядывал двери. Считал этажи вслух, почти неслышно, одними губами.

На седьмом этаже, у двери запертой квартиры, он остановился совсем.

Там ничего не было особенного снаружи. Обычная дверь, обшарпанная сильнее прочих, с номером девять, который держался на одном шурупе и слегка перекосился влево. Ручка на этой двери была холоднее, чем на всех остальных, будто зима держалась в металле отдельно от того, что творилось в доме, и Прохор Ильич, задев её однажды локтем, поймал себя на том, что отдёргнул руку быстрее, чем успел подумать, зачем. Нотариус простоял перед этой дверью секунд десять, и Прохор Ильич видел, как у того дрогнула рука с портфелем, точно он собирался постучать и передумал.

— Знаете эту квартиру? — спросил Прохор Ильич.

— Слышал, — ответил нотариус, не оборачиваясь. — Читал документы про неё больше, чем про весь остальной дом вместе.

Больше он ничего не сказал, и они пошли дальше вверх.

Собрание началось в семь и должно было закончиться быстро, как заканчивалось всегда: подписи, формула про сохранение треста, короткий тост чаем без вина, потому что вино испортило устав однажды в девяностых и с тех пор его на собраниях не подают. Прохор Ильич не участвовал в подписании, дом не считал его жильцом в юридическом смысле, но приходил всегда, потому что кто-то должен был следить за проводкой на случай, если соберётся гроза. А гроза в этот раз собиралась основательно, барометр в котельной упал на четыре деления за день, больше, чем Прохор Ильич видел за последние годы.

Оценщик страховой компании появился позже остальных, уже когда собрание рассаживалось. Молодой человек с планшетом вместо портфеля представился коротко и сел с краю, ближе к окну, откуда была видна полоса моря, ещё светлая, но уже с той рябью, которая предвещает шторм за несколько часов. Звали его Матвей, фамилию Прохор Ильич не запомнил, потому что оценщики приезжали часто, разбирались с чем-то техническим и уезжали обратно на материк тем же паромом.

В половине девятого связь исчезла разом, во всём доме одновременно, и телефоны у всех показали одну и ту же полосу без сети. К этому привыкли не сразу, хотя случалось не впервые,

шторм всегда обрывал вышку на мысу первым. Свет продержался ещё сорок минут, потом мигнул трижды и погас, и дом остался с одними свечами в гостиной у Тумановых и фонариком у Прохора Ильича, который держал его в кармане всегда, из привычки, а не из предчувствия. Резиновая рубчатая обшивка фонарика давно стёрлась до гладкости в тех местах, где ложились пальцы, и на ощупь он безошибочно находил в темноте кнопку, даже не глядя на корпус.

Он спустился в котельную проверить щит и пробыл там дольше, чем рассчитывал, потому что один из старых предохранителей начал искрить, и пришлось повозиться с его заменой при свете одного фонарика. Когда он снова поднимался вверх, труба уже не гудела, а выла, ровно и высоко, как воет металл, когда ветер находит в нём щель нужной ширины.

На седьмом этаже, у двери с номером девять, вой из вентиляции звучал иначе, чем везде. Ниже тоном, с каким-то перебоем внутри, словно за решёткой что-то мешало воздуху идти ровно. Прохор Ильич остановился послушать скорее по профессиональной привычке замечать, где звук ломается, чем из осознанной тревоги. Первым делом подумал на птицу, залетевшую в канал по осени и не нашедшую обратной дороги, такое случалось раз в несколько лет, и обычно решалось само за неделю. Прислушался ещё раз: нет, звук был слишком ровным для птичьей возни, слишком похожим на дыхание, а не на трепыхание, и эта мысль ему не понравилась настолько, что он тут же выбросил её из головы, списав на позднее время и усталость от долгого дня.

Он не знал ещё, что через два часа найдёт Виктора Сергеевича внизу, у подножия лестницы между шестым и седьмым этажом, и что барометр в котельной к тому моменту упадёт ещё на два деления, до самой низкой отметки за всю его память об этом доме.

Пока он просто стоял и слушал, как труба за дверью девятой квартиры выводит звук, которого раньше не выводила никогда.

Глава вторая

Паром в этот день шёл с опозданием на сорок минут, и капитан объявил об этом так буднично, будто опоздание было частью расписания. Матвей стоял у борта с папкой под мышкой и смотрел, как берег острова медленно перестаёт быть полосой и превращается в дома, потом в крыши, потом в окна, в одном из которых, на седьмом этаже, стекло было заклеено газетой изнутри.

Он приехал закрыть старое дело. Тридцать лет назад в этом доме случился пожар, компания выплатила компенсацию по документам, которые Матвей нашёл в архиве три недели назад случайно, разбирая совсем другой запрос. Бумага тех лет была рыхлой, шершавой на сгибах, совсем не похожей на гладкий холод его собственного планшета, и Матвей каждый раз ловил себя на том, что листает старые страницы осторожнее, чем современные документы, словно боится, что они рассыплются под пальцами. Сумма выплаты не совпадала с актом ущерба почти вдвое, разница была занесена в графу без объяснения, и такие вещи Матвей не мог оставлять непроверенными, даже если дело закрыто три десятилетия назад и никто из живых не просил его открывать заново. Дату визита он выбрал не наугад: управляющий трестом сам предложил приехать именно в день ежегодного собрания, обещая, что застанет разом и правление, и архив, и, если повезёт, живых свидетелей среди старожилов.

На пароме рядом с ним стоял человек с портфелем, прижимал его к себе плотнее, чем обычно держат багаж. Они не разговаривали всю переправу, только один раз человек с портфелем спросил, не в первый ли раз Матвей на острове, и Матвей ответил, что да, и больше вопросов не было.

Дом встретил его запахом соли и мокрой штукатурки, тем особым духом, какой бывает у зданий, простоявших у воды дольше, чем рассчитывал архитектор. Первый этаж пах ещё и лаком, деревянной стружкой, откуда-то доносилось тиканье сразу нескольких часов вразнобой, и Матвей понял, что прошёл мимо мастерской, дверь которой была приоткрыта.

— Вы к кому? — спросила женщина в дверном проёме, лет тридцати с небольшим, с очками на лбу и деталью какого-то механизма в пальцах.

— К управляющему трестом. Меня ждут на собрании.

— Тогда наверх, шестая квартира. Только лифт третий день не работает, имейте в виду.

Она сказала это без раздражения, как говорят о погоде, и вернулась в мастерскую, не дожидаясь ответа. Матвей пошёл наверх пешком, считая площадки, и на третьей его обогнал мужчина с рацией в руках, буркнул что-то вроде извинения и скрылся за дверью, не представившись.

Дом был устроен так, что чужому человеку требовалось время, чтобы понять его логику. Лестница шла не строго по центру, а немного смещённая, будто здание пристраивали не сразу целиком, а частями, добавляя этаж за этажом по мере надобности. На каждой площадке висела табличка с номером квартиры, латунная, потемневшая от воздуха с моря, и на одной из них, седьмой, Матвей заметил, что цифра девять держится криво, словно кто-то давно перестал следить именно за этой дверью. Он тронул табличку мимоходом, чтобы выправить, и удивился, насколько холодным оказался металл на ощупь.

Управляющий трестом принял его в шестой квартире, встретил его сдержанно, представился коротко и указал на кресло у окна. В комнате уже сидело несколько человек, кто-то раскладывал бумаги на столе, кто-то разговаривал вполголоса о шторме, который обещали к вечеру. Матвей сел, достал планшет, начал делать пометки, привычка, которая всегда помогала ему слушать внимательнее, чем просто сидеть и запоминать.

Он не собирался вникать в дела треста глубже, чем требовалось для его собственного вопроса. Но за первые полчаса он успел заметить несколько вещей, которые впоследствии ока-

жутся важными, хотя тогда показались просто деталями чужой жизни, в которую он заглянул мимоходом.

Бухгалтер треста, тихий человек с папкой отчётности, дважды поправил цифру в списке присутствующих, прежде чем зачитать её вслух, будто боялся ошибиться не в счёте людей, а в чём-то другом. Матвей списал это на обычную нервозность перед собранием, свойственную людям, привыкшим отчитываться перед соседями за общие деньги. Ошибиться в цифре при всех страшнее, чем ошибиться где угодно ещё, решил он и тут же забыл об этом, не найдя в наблюдении ничего, что стоило бы записать в планшет. Пожилая женщина у окна, судя по возрасту старше всех в комнате, печатала что-то на механической машинке, стоящей у неё на коленях, хотя все остальные документы на столе были давно распечатаны на принтере. Делала это спокойно, методично, как ритуал, не имеющий отношения к содержанию текста. А нотариус, тот самый человек с портфелем с паром, вошёл в комнату последним, поздоровался со всеми поимённо, и, проходя мимо бухгалтера, произнёс одну фразу, которую Матвей не расслышал целиком, но уловил слово, показавшееся ему именем, не связанным ни с кем из присутствующих. Бухгалтер на эту фразу не ответил, только чуть сильнее сжал папку в руках.

Собрание началось в семь, как и было объявлено. Матвей слушал вполуха, делая заметки для себя о структуре треста, о том, как формально устроена собственность на дом, потому что это могло пригодиться для его собственного расследования старой выплаты. За окном темнело быстрее обычного, и полоса моря, ещё недавно светлая, теперь казалась одним сплошным серым движением без границы с небом.

В половине девятого свет мигнул, потом связь пропала у всех одновременно, экраны телефонов показали одну и ту же красную полосу. Кто-то в комнате пошутил, что теперь придётся ночевать здесь всем вместе, и никто не засмеялся всерьёз, потому что за окном ветер уже бил в стёкла с той силой, которая не оставляет сомнений в серьёзности намерений.

Матвей отложил планшет и подумал, что старое дело о компенсации подождёт до утра, до момента, когда паром снова начнёт ходить и можно будет уехать с ответом или без него. До утра, впрочем, дело пойдёт совсем не так спокойно, как он рассчитывал: фраза, оброненная нотариусом бухгалтеру мимоходом, окажется единственной ниточкой, за которую можно будет ухватиться, когда придёт время искать причину смерти человека, который произнёс её последним.

Глава третья

Свечи в гостиной у Тумановых стояли в тех же подсвечниках, что и каждый год. Агния Тумановна доставала их из одного и того же ящика буфета сразу после того, как гас свет, каждый год в один и тот же момент, отработанным движением, без единой заминки. Металл подсвечников за долгие годы отполировался ладонями до блеска, гладкий и прохладный даже сейчас, когда свечи уже горели рядом. Прохор Ильич, принимая один из них у неё из рук, отметил, что тепло от пламени доходит до пальцев не сразу, а с той же неторопливостью, с какой этот дом вообще отдавал людям хоть что-то.

— Опять эти свечи чадят, — сказала она, морщась, и подула на фитиль сильнее нужного, отчего пламя чуть не погасло совсем. — Надо было ещё в прошлом году новые купить, всё руки не доходят, а эти уже с прошлого века, наверное, коптят так же.

Он принёс из кладовой ещё две коробки на случай, если ночь окажется длиннее, чем обычно длились собрания, а этой ночью на короткую развязку рассчитывать не приходилось.

Он остался в дверях, не садясь за общий стол. Отсюда было видно всю комнату сразу: бухгалтера Родиона, который переложил папку с отчётностью с колен на подоконник и обратно, словно не находил ей места, и картографа Марка Аркадьевича, разложившего перед собой старую карту дома. Он сверял её с чем-то в блокноте, хотя карта эта не имела никакого отношения к собранию треста. Швея Роза сидела ближе к двери, чем обычно, и Прохор Ильич отметил это машинально, не придавая значения, просто потому что за двадцать шесть лет привык видеть, кто где садится.

Ветер снаружи бил в стёкла порывами, между которыми образовывались короткие паузы, и в эти паузы было слышно, как труба в стене начинает свой обычный гул, только сегодня гул звучал глубже, с той хрипотцой, которая появляется у здания раз в несколько лет, не чаще.

— Может, отложим до утра, — сказал Геннадий Осипович, радист, привыкший к штормам больше остальных по роду прежней службы. — Подпишем при свете, спешить некуда.

— Устав требует сегодня, не завтра, — ответила Агния Тумановна, не поднимая глаз от машинки. — Завтра будет уже не тот день.

Возражений не последовало: с Агнией Тумановной о датах устава не спорили в этом доме уже лет двадцать. Собрание продолжилось при свечах, голоса стали тише, будто темнота в углах комнаты требовала более осторожного обращения со словами.

Прохор Ильич вышел на площадку взглянуть на щиток, по давней привычке заниматься тем, что поддаётся рукам, пока ждёшь того, что руками не решить, а вовсе не в надежде починить свет раньше утра. На лестнице было холоднее, чем в комнате, и звук ветра здесь звучал иначе, не глухо, как за плотными шторами гостиной, а прямо, точно дом снял с себя одну одежду.

Он встретил на площадке между четвёртым и пятым этажом Феликса, мужа Розы, смотрителя маяка, которого не ждал увидеть в доме до выходных.

— Ты не в свою смену, — сказал Прохор Ильич, не столько с вопросом, сколько с констатацией.

— Отпросился, — ответил Феликс коротко, и по тому, как он это сказал, было ясно, что развивать тему он не собирается. Он прошёл мимо, вверх, туда, где была квартира, в которой Роза в этот момент сидела ближе к двери, чем обычно.

Прохор Ильич не стал задерживать его вопросами. Дом за двадцать шесть лет научил его различать, какие несостыковки требуют внимания сразу, а какие можно оставить на потом, чтобы они сами показали себя при случае. Феликс на площадке в неурочный час относился, на его взгляд, ко вторым.

Он спустился в котельную проверить щит, тот самый, с которым провозился ещё вечером, когда искрил старый предохранитель, и не нашёл новых поломок. Труба за это время не переставала гудеть, а один раз, когда ветер снаружи ударил особенно сильно, гул на секунду превратился в отчётливый металлический стон, будто где-то в вентиляционной сети что-то сдвинулось с места, где стояло тридцать лет.

Поднимаясь обратно, он прошёл мимо седьмого этажа и по привычке замедлил шаг у двери девятой квартиры. Вой из решётки здесь звучал так же, как накануне вечером, но с новым оттенком, словно внутри самой шахты образовалась преграда, которую воздух теперь обходил с трудом, пробиваясь узкой щелью и оттого делаясь выше и тоньше обычного.

Он не стал стоять дольше положенного. У него была ещё работа на первом этаже, где Ия жаловалась накануне на сквозняк из-под двери мастерской, и Прохор Ильич обещал зайти проверить уплотнитель до конца недели, а с таким ветром откладывать не имело смысла.

Возвращаясь наверх спустя полчаса, он услышал голоса на лестнице между шестым и седьмым этажами, два голоса, мужской и женский, говорившие быстро и вполголоса, слов было не разобрать за шумом ветра в пролёте. Он остановился этажом ниже, не из желания подслушать, а просто потому что не хотел мешать разговору, который явно не предназначался для чужих ушей, и подождал, пока голоса стихнут и шаги разойдутся в разные стороны, один вверх, другой вниз.

Когда он поднялся на седьмой этаж минутой позже, там уже никого не было. Только дверь девятой квартиры, как всегда, и труба за ней, выводившая теперь звук настолько тонкий и настойчивый, что Прохор Ильич впервые за двадцать шесть лет подумал, не стоит ли всё же вызвать кого-то посмотреть вентиляцию всерьёз, весной, когда паром снова начнёт ходить по расписанию, а не по погоде.

Весны эта мысль не дожждётся. До утра дом успеет показать ему звук куда более важный, чем гул в трубе, а голоса, которые он только что слышал на лестнице, станут первым, о чём его спросят, когда придёт время вспоминать этот вечер по минутам.

Глава четвёртая

В перерыве собрания, пока Агния Тумановна разливала чай, Матвей вышел в коридор размять ноги и наткнулся на нотариуса, который сидел на подоконнике с фонариком, зажатым между плечом и ухом, и листал папку с ветхими на вид листами.

— Не помешаю, — сказал Матвей скорее утвердительно, чем вопросительно, и нотариус поднял голову с явным облегчением, казалось, рад был случаю отвлечься.

— Наоборот. Хотите знать, чем на самом деле интересен этот дом.

Он подвинулся, освобождая место на подоконнике, и Матвей сел, хотя формально пришёл сюда за другим и не планировал задерживаться дольше пары минут. Камень подоконника холодил даже сквозь ткань брюк, а картонная папка нотариуса, которую тот держал на коленях, обмякла и истончилась на сгибах от старости, потрёпанная по углам, будто её раскрывали и закрывали тысячи раз за десятилетия службы.

— Я по делу о старой компенсации, — сказал Матвей. — Пожар в девятой квартире, тридцать лет назад. У вас случайно нет документов того периода?

Лицо нотариуса изменилось, не резко, но заметно, как меняется лицо человека, которому напомнили о чём-то, что он и сам собирался поднять, но не в такой формулировке.

— Есть. Больше, чем нужно для страхового отчёта, — ответил он, перелистывая папку до нужного места. — Акт о ремонте после пожара составлен странно. Материалов заказано на объём вдвое больше, чем требовала сама квартира, а даты работ растянуты на два лишних месяца без объяснения простоя.

— Это может быть просто небрежность делопроизводства того времени.

— Может, — согласился нотариус, но так, что было ясно: сам он в это не верит. — А может, кто-то прятал внутри стены что-то, требующее больше времени и материала, чем обычный ремонт после пожара.

Он сказал это легко, почти шутя, как говорят о городской легенде, а не о версии, которую всерьёз рассматривают. Матвей на такие интонации давно научился не полагаться: у людей, годами разбирающих чужие архивы, часто вырабатывается привычка проговаривать самые серьёзные подозрения тоном застольного анекдота, будто это защищает их от последствий, если подозрение окажется правдой.

— У вас есть версия, чья это могла быть квартира до пожара?

— Была версия. Есть имя, которое я нашёл в документах больницы, не дома, но связанное с этим же годом. Нотариус закрыл папку, посмотрел в сторону гостиной, откуда доносился звон чашек и голос Агнии Тумановны, отсчитывающей чай по кругу. — Пациентка, погибла в больнице примерно в то же время. Дело давно закрыто, причина официальная, без подозрений. Но фамилия совпадает с фамилией одной из жительниц этого дома, я проверил из чистого любопытства архивиста, если такое любопытство вообще можно назвать чистым.

— Как звали пациентку?

— Зоя, — ответил нотариус и, произнеся имя, будто сам удивился звуку собственного голоса в пустом коридоре. — Собирался упомянуть на собрании, как курьёз для летописи дома. Не разоблачение, конечно, просто забавная деталь, что у треста, оказывается, есть и такая ниточка в прошлое, о которой никто из нынешних жильцов, наверное, даже не знает.

Матвей сделал пометку в планшете, не столько имя, сколько сам факт, что архив этого дома хранит куда больше нитей, чем требовалось для его собственного скромного запроса о компенсации. Он не придал имени Зои особого значения в тот момент, для него это была деталь на полях чужой истории, интересная, но не относящаяся напрямую к пожару и выплате, которые он приехал проверить.

— А акт о ремонте вы кому-нибудь показывали? Кроме меня.

— Планирую показать всем на собрании. Ближе к концу, когда дойдём до пункта о состоянии здания, устав требует ежегодного технического отчёта, обычно формального, но в этот раз есть что добавить сверх формальности. Нотариус улыбнулся, поднимаясь с подоконника, папку прижал к груди тем же жестом, каким держал портфель на пароме. — Люблю такие вечера. Обычно моя работа скучнее, чем кажется со стороны.

Он пошёл обратно в гостиную, и Матвей ещё пару минут сидел на подоконнике один, слушая, как ветер бьёт в раму снаружи с той же настойчивостью, что и час назад, будто дом вообще не замечал, что происходит внутри него.

Только позже станет ясно, что через час с небольшим он будет стоять у подножия лестницы между шестым и седьмым этажами, глядя на человека, который только что рассказывал ему об имени Зои с той лёгкостью, с какой рассказывают анекдоты, и что это имя, а не акт о ремонте, окажется единственным, что действительно имело значение в ту ночь.

Глава пятая

Крик раздался снизу, с площадки между шестым и седьмым этажами, и Прохор Ильич узнал голос раньше, чем разобрал слова: Стелла, дрессировщица, кричала не то имя, не то просто звук ужаса, который не успел превратиться в слова.

Он спустился бегом, насколько позволяла темнота и фонарик, скачущий лучом по ступеням, и на площадке сразу понял, на что смотрит, хотя разум ещё пытался предложить более простое объяснение: человек лежит, потому что упал, потому что споткнулся, потому что стало плохо.

Виктор Сергеевич лежал на спине, голова повернута неестественно к перилам, и тёмное пятно под виском в свете фонарика выглядело почти чёрным. Стелла стояла в стороне, прижав ладони ко рту, собака её крутилась рядом, поскуливая.

— Я вышла с ней на площадку, вывести перед сном, у меня в квартире устав не разрешает, вы же знаете, я всегда так делаю, чтобы никто не видел, — говорила она быстро, невпопад, и Прохор Ильич понял, что это не признание в чём-то важном, а просто способ удержаться на ногах словами, пока тело отказывается двигаться само.

Он опустился на колено, тронул шею нотариуса там, где полагалось искать пульс, хотя уже знал, что не найдёт. Кожа была ещё тёплой, но той теплотой, которая уходит быстро, стоит перестать её поддерживать изнутри, и Прохор Ильич почувствовал, как это тепло будто перетекает из-под его пальцев в холодный воздух площадки.

— Позови остальных, — сказал он Стелле, стараясь говорить ровно. — И не спускайся ниже. Собаку запри в квартире, если получится.

Она кивнула, кажется не до конца понимая, что кивает, и побежала наверх, крича уже не от ужаса, а чтобы её услышали через ветер и толстые двери.

Прохор Ильич остался один на площадке дольше, чем следовало бы по всем правилам, которые он не знал наизусть, потому что никогда не оказывался в подобной ситуации за двадцать шесть лет службы в этом доме. Он посветил фонариком вокруг. Портфель нотариуса лежал в паре метров, раскрытый, бумаги веером рассыпались по ступеням ниже, слишком широко для случайного падения, будто содержимое вытряхнули второпях.

Труба за стеной, там, где проходила вентиляционная шахта от седьмого этажа, гудела ровно, без того перебоя, который Прохор Ильич слышал час назад у двери девятой квартиры. Он зацепился за эту мысль мимолётно, не понимая ещё, зачем она вообще пришла в голову.

Сверху застучали шаги, много шагов сразу, и голоса, ещё не понимающие, во что они спускаются. Первым добежал Матвей, остановился на две ступени выше, будто невидимая черта не пускала его ближе, и несколько секунд просто смотрел, молча, с тем особым выражением человека, который уже видел смерть раньше и знает, что первые секунды нельзя тратить на слова.

— Никому не спускаться дальше площадки, — сказал он наконец, обернувшись к тем, кто был позади него. Голос звучал твёрже, чем можно было ожидать от человека, приехавшего в дом несколько часов назад по совершенно другому делу.

Прохор Ильич поднялся, вытер руки о полотенце, которое всё ещё торчало из кармана с самого вечера, и посмотрел на Матвея так, как смотрят на человека, с которым придётся теперь иметь дело куда дольше, чем предполагал вечер знакомства.

— Связи нет, паром не придёт раньше полудня из-за шторма, — сказал он. — Это значит, следующие часов пятнадцать мы одни с этим домом.

Матвей кивнул, посмотрел на рассыпанные бумаги, на портфель, потом снова на тело, и в этом взгляде было заметно, как в голове человека, привыкшего работать с документами, что-то уже начинает выстраиваться в вопросы.

— Тогда начнём с того, что было в этом портфеле, — сказал он.

Прохор Ильич мог бы взять это на себя сам, дом был его домом дольше, чем Матвей вообще знал о его существовании, но он тут же понял, почему не станет спорить: свой человек в такой ситуации годится вести хозяйство и утешать соседей, а не собирать показания, потому что свой человек уже пристрастен, хочет он того или нет. А этот чужак с планшетом привык методично сортировать чужие бумаги и чужие слова именно потому, что ни один из здешних людей не был для него своим. Пусть лучше вопросы задаёт тот, кому нечего терять от ответов.

Он смотрел на дверь девятой квартиры, которую отсюда, с площадки, не было видно, но которую он чувствовал так же ясно, как чувствовал вес фонарика в руке. И думал о том звуке из вентиляции, который час назад показался ему просто необычным, а теперь начинал казаться чем-то, что дом пытался сказать заранее, просто на языке, который никто не потрудился выучить вовремя.

Глава шестая

Гостиную у Тумановых превратили во временный штаб, потому что это была единственная комната достаточно большая, чтобы вместить всех десятерых жильцов сразу, не считая Прохора Ильича, который встал у двери и не сел за весь следующий час.

Дом ещё не отошёл от того, что произошло. Ия трижды спрашивала, будет ли чай, хотя чайник уже кипел у неё на глазах. Марк Аркадьевич зачем-то принёс с собой одну из своих карт и держал её на коленях, не разворачивая, просто чтобы руки были заняты чем-то привычным. Роза дважды начинала говорить про погоду, про то, что барометр никогда ещё так не падал, и обрывала себя на середине фразы, будто вспоминала, что сейчас не время для разговоров о погоде, и тут же снова к ним возвращалась, потому что о другом говорить было ещё страшнее. Геннадий Осипович, обычно словоохотливый с гостями, замкнулся почти полностью, отвечал односложно и старался не смотреть в сторону лестницы. Стелла, наоборот, не могла остановиться, рассказывала одну и ту же историю о находке тела три раза подряд, каждый раз чуть иначе, будто надеялась, что один из вариантов окажется менее страшным, чем случившееся на самом деле.

Матвей разложил на столе то, что удалось собрать с рассыпанных ступеней: часть бумаг из портфеля, размокших от сквозняка на площадке, часть залитых воском, потому что кто-то из первых прибежавших уронил свечу в панике. Воск успел застыть неровными каплями, шершавыми на ощупь, и когда Матвей попытался отделить слипшиеся листы, один из них порвался по линии застывшего потёка, словно дом сам решил, где провести границу между тем, что можно прочесть, и тем, что уже не восстановить. Полного порядка страниц восстановить не удалось, но акт о ремонте, тот самый, о котором нотариус говорил ему час назад, лежал среди прочего почти целым, только с оторванным нижним углом.

— Нужно понять, кто где находился между половиной девятого и без четверти десять, — сказал Матвей, стараясь говорить так, чтобы это прозвучало как просьба, а не как допрос, хотя по сути было именно допросом. — Не потому, что кто-то из вас подозревается. Просто чем точнее мы восстановим час, тем быстрее полиция сможет во всём разобраться, когда доберётся сюда.

— Полиция доберётся не раньше завтрашнего дня, — заметил Марк Аркадьевич, картограф, не поднимая взгляда от своих рук. — А до тех пор придётся разбираться нам самим, хотим мы того или нет.

— А рация Геннадия Осиповича? — спросила Стелла. — Разве нельзя вызвать кого-то прямо сейчас?

— Она принимает сводки с материка, погоду, движение судов, — ответил Геннадий Осипович, не поднимая головы. — Двусторонней связи с берегом у неё нет уже лет пять, антенну на мысу так и не восстановили после позапрошлого шторма. Слышать я слышу. Ответить мне некому.

Никто не стал спорить с этим замечанием, хотя по лицам было видно, что мысль эта нравится ещё меньше, чем сама причина, по которой она возникла.

Прохор Ильич начал первым, коротко, без лишних деталей: проверял щиток, спускался в котельную, поднимался обратно, заходил на первый этаж к Ие насчёт сквозняка. Не упомянул ни голоса на лестнице между шестым и седьмым, ни Феликса не в свою смену: два голоса без лиц и без слов легко превратить в обвинение, стоит произнести их вслух при десяти испуганных людях, а обвинение, брошенное зря, липнет к человеку крепче правды. Пока он ещё не был уверен, что услышанное вообще имеет отношение к делу, а дом слишком давно приучил его не бросать слова, которые потом трудно будет забрать назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.